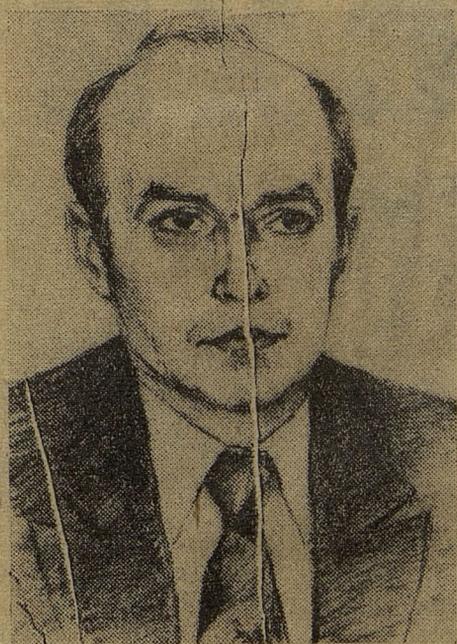

ЖИЗНЕННОЕ ПРАВИЛО

ЗАСЛУЖЕННОМУ АРТИСТУ РСФСР Е. Д. ЛАШКОВУ — 50 ЛЕТ

Много раз пытался засесть за эти заметки об Евгении Дмитриевиче, но всякий раз откладывал перо, потому что память упорно выталкивала на передний план эпизод, выигрышный для нашего брата-газетчика, интересный, но все-таки не «ударный» для принятой в уме схемы материала: творческий портрет, спектакли, роли...

50 лет, пора подводить некоторые итоги.

Для актера «итог» — сцена. И тридцать лет отдать ей — изнуряющей, беспокойной, нераной — нет, это не шутка, это не поле перейти. Пользуясь расхожей формулировкой, скажем: был успех, были неудачи. И начать хотелось именно с рецензии, что ли, на роль, на такую работу актера, которая оказалась бы звездным его часом.

Но я никак не мог уйти от этого разговора...

Как-то в антракте Евгений Дмитриевич, расслабившись, сидел в гримерке, коротко, жадно курил.

— Понимаешь, — говорил он молодому актеру, с блеском играющему в этом спектакле, — понимаешь, наше дело — это езда на велосипеде. Крутишь педали — быстро едешь. Перестанешь крутить — остановишься, упадешь. А это больно. Вот ты здорово здесь играешь. Цветы, аплодисменты... Никогда не переставай крутить, никогда.

В динамике сквозь шум зала прорвался мягкий голос: «Второй звонок, товарищи, второй звонок». Актеры быстро ушли, а мне тогда показался этот разговор — при всей его доброжелательности — несколько назидательным, что ли...

Актером он стал случайно. Другок Витька «Чугун» — Чугунов увидел объявление в газете о наборе в театральную студию. Пошли так, из любопытства. И поступили. Чем мог интересоваться мальчишка трудной послевоенной поры? Да, пожалуй, тем же, что и нынешние. Правда, сейчас появились джинсы и диски, а в основном — то же. Женьку тянули к себе железки. Наследственность, гены эти самые, — отец слесарь был. И по сей день это влечение осталось. Лашков больше любит лежать под своей машиной, чем ездить на ней.

А студия перевернула все. Это как удар молнии в ночь. Темь, куда идти, не знаешь, и вдруг она пронзила небо на миг, и ты уже понял.

Тонкие, чуткие, внимательные педагоги, ребята, до фанатизма любящие театр. Единомышленники.

В Белгород из Тулы уехали почти все. Вместе с наставниками. Репетировали

«Молодую гвардию» и восстанавливали здание театра. Как молодоговардейцы, разбившись на пятерки.

Молодую труппу заметили сразу же. Были хорошие отзывы, рецензии. С успехом выступили и в Курске.

Было трудно. Но энтузиазм не угасал. И лишь реорганизация в театральном мире вынудила ребят разойтись.

Конечно же, за тридцать лет Лашков изменился. Но риску сказать, что тот всепоглощающий энтузиазм, та любовь к театру — все это осталось. Есть актеры, которые любят в театре прежде всего себя. Звание для них — самоцель. Спросите Лашкова о ролях, которые он сыграл, и он расскажет о любой из полсотни сотен. Спросите его, как спросил я, когда ему присвоили звание заслуженного артиста республики, и он замнется, покраснеет.

Что заставило его трястись в дребезжащих, старых трамваях через весь город в обшарпанный тогдашний маленький клубик завода РТИ? Только ли заработок? Заикнись об этом Евгению Дмитриевичу — обидится. Репетиции на сцене за экраном, когда в зале крутят кино, бессонные ночи перед спектаклями рабочих актеров. Да, было признание, была хорошая пресса — в том числе и «Огонек», — но ведь нервные клетки, как говорят, не восстанавливаются.

Помню юбилейный вечер народного театра Дома учителя, сорокалетие коллектива. Евгений Дмитриевич, последние годы работающий с ним, был неузнаваем. Он вел вечер и волновался, пожалуй, как ни на одном своем самом ответственном спектакле. Он то бросал еще неприкуренную сигарету и мчался за кулисы, то выглядывал, как дебютант, в щелочку занавеса, то приставившись на краешке стула в зале.

Ему дорого это дело.

Однажды я спросил у Евгения Дмитриевича: «Наверное, все роли любимые? Это ведь как дети?» Он разгорячился. «Нет, нет. Понимаешь, в роли должна быть мысль. Любую можно сделать «на мастерстве». Но без души — как? Помню маленькую рольку — вора, но в ней душа, и она одна из самых любимых...»

Над образом Пушкина в «Гибели поэта» он работал самозабвенно. И вдруг — тупик, пустота. Он маялся, не находил себе места. Жена, видя это, предложила съездить в Михайловское. Отнекивался, считая, что музей — больше для ума, а не для сердца. Но все-таки поехали... Вернулся перерожденный, счастливо пропитанный духом Михайловского.

В день премьеры жена подарила ему желудь из села поэта. И он зашил его в карман брюк, а когда трудно становилось, прикосновение к желудю возвращало силы.

...Самая любимая роль. А это значит, самая трудная. Впрочем, кажется, для Лашкова легких ролей не бывает. Он без особого удовольствия работает сейчас над ролью в новом спектакле, во всяком случае, не сравнить с работой над его изумительным синьором Купьелло. Но это еще ничего не значит. У него всегда роль в готовом спектакле вдруг переосмысливается, он открывает в ней новые грани, о которых раньше и не подозревал. Поиск, трудный, болезненный, но всегда — поиск. Всегда честная работа. Это — жизненное правило.

...Мягкий голос помрежа в динамике гримерки: «Второй звонок, товарищи, второй звонок». Они уходят. Сейчас на свое место в зале пойду и я. И вновь увижу людей, которых знаю, неузнаваемыми и... знакомыми. И сегодня, кажется, пойму: он, Евгений Дмитриевич Лашков, имеет право учить. И тогда эти заметки о нем начнутся так: «Понимаешь, — говорил он молодому актеру. — Театр это...».

В. КНЯЗЕВ.
Рис. Н. ПРИДВОРОВА.